

УДК 316.74:130.12

**МНЕМОНИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ КАК ПРЕДМЕТ
СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ М. ХАЛЬБВАКСА**

Аникин Д.А.

В статье рассматриваются предпосылки постановки вопроса о коллективной памяти религиозных сообществ в социологических работах Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса. Основной функцией памяти является формирование социальной солидарности. Необходимость в сакрализованном прошлом запускает процесс становления религии как социального института. В своих поздних работах М. Хальбвакс переходит от упрощенного понимания религии к ее анализу в качестве совокупности мнемонических практик, основанных на пространственной локализации канонического текста.

Ключевые слова: коллективная память, религия, мнемонические практики, институт, топография.

**MNEMONIC PRACTICES AS A SUBJECT OF
M. HALBWACH'S SOCIOLOGY OF RELIGION**

Anikin D.A.

The article considers prerequisites of formulation of the question about collective memory of religious communities in E. Durkheim and M. Halbwachs's sociological works. The main function of memory is formation of social solidarity. Need for the sacral past started the process of formation of religion as a social institute. In the late works M. Halbwachs passed from the simplified understanding of religion to its analysis as a set of mnemonic practices based on spatial localization of the initial text.

Keywords: collective memory, religion, mnemonic practices, institute, topography.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-311-00212

«Коллективная память религиозных сообществ в постсекулярном мире: формы идентичности и социальные практики».

В большинстве современных исследований М. Хальбвакс называется основоположником изучения коллективной памяти, что совершенно справедливо, поскольку именно ему принадлежит честь введения данного термина в оборот социальных наук. Вместе с тем, стоит учесть два серьезных момента, которые, хотя не ставят под сомнение сам факт его приоритета в мнемонических исследованиях, но являются существенными для последующей разработки *memory studies*. Во-первых, по своим методологическим установкам Хальбвакс являлся последователем функционального подхода Э. Дюркгейма, поэтому предпосылки его подхода и тематики исследований определялись, во многом, интересами его учителя. Во-вторых, в силу достаточно позднего помещения Хальбвакс в центр отечественных исследований памяти зачастую стирается немаловажный аспект эволюции его теоретических воззрений.

Указанные тенденции можно выявить на примере изучения памяти в религиозной сфере, что являлось одним из наиболее существенных исследовательских полей французского социолога. И в этом тоже можно проследить определенную преемственность с функционалистской традицией, точно подмеченную А.Г. Васильевым: «Исследовательские устремления выдающегося французского социолога были пронизаны несколькими взаимосвязанными проблемами, образующими в своей совокупности определённый идейно-теоретический комплекс с необходимостью предполагающий обращение к теме коллективной памяти как в имплицитной, так и в эксплицитной форме» [1, с. 45].

История обращения к трудам Дюркгейма в социальной науке была нелинейной. На смену активному использованию и изучению в первой половине XX века приходит период длительного забвения, который завершается в 80-ые годы «переоткрытием» позднего Э. Дюркгейма, идеи

которого оказались созвучны новым методологическим обновлениям не только социологии, но и исторической науки.

В своей поздней работе «Элементарные формы религиозной жизни» Э. Дюркгейм подводит итог изучению примитивных форм религии, начатому еще в содружестве с М. Моссом, уделяя большое внимание сакральному как специфической сфере существования человека [4, с. 133]. По большому счету, эта тематика становится логическим продолжением его стремления к пониманию сути коллективного сознания. На смену исследованиям типов солидарности и связи их динамики с общественным разделением труда приходит сосредоточение на проблеме механизмов формирования и природе доминирования коллективного сознания по отношению к сознанию отдельного индивида. Ведущую роль в установлении своеобразной мировоззренческой иерархии играет процесс сакрализации, предметом которого, с точки зрения Дюркгейма, являются не сверхъестественные силы, а само общество [2, с. 15-17].

Основным элементом, обеспечивающим эффективность процесса сакрализации, являются религиозные ритуалы. Постулируемая цель ритуалов (например, повышение урожайности) является лишь поводом, определяющим график осуществления ритуальных действий и определенный инструментарий, но истинной причиной проведения ритуала является укрепление коллективной солидарности. И вот здесь уже проявляется мнемонический характер ритуала, поскольку он должен актуализировать то прошлое, которое представляется необходимым для поддержания стабильности современного состояния сообщества. Прошлое выступает в качестве важнейшего символического ресурса, точнее говоря – и сам Дюркгейм это имплицитно подтверждает – не само прошлое, а обязательная отсылка к нему, подчеркивание неразрывной связи между совершаемым в настоящий момент действием и историческим или внеисторическим событием.

Сакральность той реальности, к которой отсылает любой ритуал, выступает фактором символической легитимации, поскольку солидарность

сообщества скрепляется не только реальными экономическими или культурными связями, но и получает обоснование с точки зрения трансцендентной сферы. Особенно отчетливо это проявляется в той форме религии, которую сам Дюркгейм считает первичной, а именно – в тотемизме. Тотем как дух предка, незримо присутствующий среди потомков (вне зависимости от того, основывается ли родство на кровной или символической связи), выступает в качестве сверхъестественного фактора, санкционирующего те или иные действия. Важно в данном случае то, что апелляция к тотему усиливает эффект социального контроля, способствует укреплению социальных связей и определяет готовность к совместной деятельности, что оказывается особенно значимым в условиях традиционного общества.

Вместе с тем, методологический эволюционизм Дюркгейма, проявляющийся в стремлении рассмотреть функции религии на материале примитивных форм религиозной деятельности как наиболее простых и неотягощенных дополнительными коннотациями, заставляет его переносить полученные выводы и на ее современные формы. Эта презумпция становится основанием для построения целостной концепции религии в поздних работах Дюркгейма, но уже в контексте социальной науки XX века начинает смотреться анахронизмом, нуждающимся в методологической корректировке.

Можно сказать, что именно сакрализация прошлого в качестве способа установления и поддержания социальной солидарности становится основанием для размышлений Хальбвакса о важности коллективной памяти в контексте функционирования современных сообществ. Надо констатировать, что Хальбвакс экстраполирует на современность исходный постулат Дюркгейма о стремлении любого сообщества сохранить коллективную солидарность, но начинает свое исследование религиозной памяти приблизительно с того момента, на котором остановился его учитель.

В своей работе «Социальные рамки памяти» (1925 год) он выстраивает целостную концепцию коллективной памяти, выделяя религиозную в качестве лишь одной разновидности (наряду с семейной и профессиональной). Но даже

в определении самих механизмов религиозной памяти отчетливо ощущается влияние Дюркгейма [5, с. 35-36]. На примере античной религии ученый показывает роль ритуалов в поддержании исторической идентичности сообщества, причем сохранение формы ритуалов оказывается важнее, нежели сохранение вкладываемого в них смысла. Ритуал способен воспроизвести те действия, которые несут в себе отпечаток глубокой древности – в этом их смысл с точки зрения исследователя прошлого, даже если для самих исполнителей этот смысл безвозвратно утрачен.

Но гораздо интереснее оказывается другое свойство религиозной памяти: «В то время как у других групп память взаимопроникает и стремится к взаимной согласованности, религиозная память считает себя зафиксированной раз и навсегда и либо заставляет других приспособляться к господству ее представлений, либо систематически игнорирует их и относит к низшему разряду, противопоставляя свое постоянство и их нестабильность» [5, с. 233]. Иначе говоря, религиозная память претендует на свою неизменность, но в этом заключается не действительное свойство такого рода коллективной памяти, а лишь сознательная установка, транслируемая всем остальным сообществам. В реальности же, как сообщает Хальбвакс, Церковь как социальный институт придает вневременной статус тем истинам, которые были сформулированы в конкретный исторический период времени, а именно (если говорить о Христианстве) – в первые века от Рождества Христова. Заложенный тогда комплекс образов лег в основу коллективной европейской идентичности, что и послужило своеобразной «рамкой», отсеивающей нежелательные воспоминания и упрощающей воспроизводство социально необходимых.

Но избранное Хальбваксом понятие «рамки памяти» оказывается достаточно неудачным, поскольку характеризует, скорее, концентрацию воспоминаний вокруг наиболее социально значимых образов прошлого. Такие рамки не ограничивают, а лишь структурируют внутреннее содержание коллективной памяти. Поэтому можно согласиться с С.Н. Зенкиным, полагавшим, что первый свой подход к проблеме коллективной памяти

Хальбвакс вряд и считал удачным [3, с. 12]. По крайней мере, в своей итоговой работе «Легендарная топография Евангелий в Святой Земле» он полностью отказывается от подобных метафор, сосредотачиваясь на конкретных практиках воссоздания памяти о священных событиях.

Прежде всего, он переосмысливает исходный пункт своих рассуждений о Христианстве, а именно – представление о том, что комплекс религиозных воспоминаний возникает одновременно (или практически сразу) с возникновением самой религии. Изучая топографию священных мест, Хальбвакс приходит к выводу о необходимости разделения двух аспектов формирования религиозной памяти – письменного канона, сложившегося путем отсеивания индивидуальных воспоминаний, и подбора наиболее подходящих социальных значений и практик воспроизводства данного канона, которые возникли намного позднее [6, р. 190]. Если сам текст Евангелий напрямую связан с сообществом ближайших последователей Иисуса и их учеников, то сохранение и локализация религиозных практик в тех условиях, когда ранние христиане подвергались гонениям и были вынуждены покинуть родные места, была невозможна. Поэтому придание религиозной памяти пространственного измерения становится возможным лишь в момент официального признания Христианства, то есть в IV веке, когда и складывается комплекс практик, связанных со священными местами, а также закладывается устойчивая традиция их интерпретации.

Хальбвакс справедливо отмечает, что коллективное воспоминание обладает ценностью не само по себе, а исключительно в контексте его значимости для определенного сообщества. Показательным является пример с воспоминанием Петра о поведении Иисуса в Синедрионе, который анализируется Хальбваксом [6, р. 15]. С одной стороны, это личное воспоминание Петра о конкретных событиях, но, поскольку предмет данного воспоминания является принципиально важным для определенного сообщества, то это воспоминание не только не стирается из памяти, но происходит его опубликование и превращение в письменный

канонизированный текст. В этом процессе происходит стирание конкретного события, а зафиксированные слова становятся символической конструкцией, необходимой для укрепления и консолидации данного сообщества. По сути, Хальбвакс противопоставляет когнитивные и функциональные аспекты воспоминания, указывая на приоритет социальной ориентированности памяти о прошлом по отношению к требованию исторической достоверности. Достоверность в данном случае становится правдоподобием, то есть определяется уже не наличием объективных подтверждений, а, скорее, отсутствием фактов, ставящих под сомнение подобную трактовку события.

Подводя итоги, хочется отметить, что Хальбвакс осуществляет переход от гомогенного понимания религии как единой системы рамок, определяющих форму и содержание коллективных воспоминаний, к гетерогенности и плюрализму мнемонических практик, определяемых границами конкретного религиозного сообщества. На примере создания памятных мест и соответствующих им религиозных практик в Палестине он демонстрирует воссоздающий характер коллективной памяти и необходимость ее закрепления в определенных социальных формах. При этом существенной становится не только структура религиозного сообщества, но и наличие определенных ценностных ориентиров, определяющих необходимость сохранения памяти не только о трансцендентном порядке, но и о точках его соприкосновения с имманентной реальностью. Вопрос о специфичности обращения конкретных религиозных сообществ к прошлому обходится Хальбваксом стороной, поскольку, объективно говоря, выходит за пределы его прикладного исследования, ограниченного средневековой Европой и конкретным религиозным сообществом – католическим.

Вместе с тем, представляется, что именно данный вопрос имеет большое значение для анализа религиозных коммеморативных практик, поскольку определяет границы методологической применимости работ Хальбвакса для анализа других религиозных традиций.

Список литературы:

1. Васильев А.Г. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Вып. 13. № 2. С. 141-167.
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом РАНХиГС, 2018. 736 с.
3. Зенкин С.Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. С. 7-27.
4. Мосс М., Дюркгейм Э. О некоторых первобытных формах классификации // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / М. Мосс. М.: Наука, 1996. С. 131-170.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 С.
6. Halbwachs M. La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte; étude de mémoire collective. Paris: Presses Universitaires de France, 1941. 206 p.

Сведения об авторе:

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Data about the author:

Anikin Daniil Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History and Theory of Politics Department, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

E-mail: dandee@list.ru.